

УДК 903.22

А. Ю. Борисенко¹, Ю. С. Худяков^{1,2}

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: aborisenko2@mail.ru

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: khudjakov@mail.ru

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ XVIII ВЕКА О ВОЕННОМ ДЕЛЕ, ВООРУЖЕНИИ И ВОИНСКОМ СНАРЯЖЕНИИ РУССКИХ КАЗАКОВ И СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СИБИРИ*

В статье говорится об изучении европейскими учеными и путешественниками XVIII в. оружия и воинского снаряжения казаков и русских служилых людей Сибири, принимавших участие в присоединении этого обширного региона Северной Азии к Российскому государству.

Ключевые слова: Сибирь, европейские исследователи, казаки, русские, служилые люди, оружие, воинское снаряжение.

Присоединение к Российскому государству на рубеже позднего средневековья и Нового времени Сибири – огромного региона с разнообразными ландшафтами, богатейшими природными ресурсами, населенного различными этносами со своими традиционными культурами и способами адаптации к условиям природной среды, определило все последующие основные направления развития этой территории и имело большое значение для страны в целом. Поэтому нельзя назвать случайным сохранение устойчивого интереса среди отечественных и зарубежных ученых-сибиреведов (историков и археологов) к событиям, относящимся к данному времени, к оценке роли в этом процессе различных факторов, в том числе военного дела русских людей и сибирских этносов. В последние годы было осознано, что для всесторонней и объективной оценки роли и значения различных форм этнокультурных контактов русского и коренных народов, населявших южные районы Сибири в позднем средневековье и Но-

вое время, в том числе протекавших в военной сфере жизнедеятельности, необходимо изучение особенностей конкретных оружейных комплексов и проведение сравнительного анализа военного дела различных этносов в изучаемый период [Бобров и др., 2010. С. 282].

В предшествующие десятилетия в отечественной историографии изучение данной темы базировалось преимущественно на анализе сведений русских письменных источников, среди которых большое значение имеют «отписки» и «скаска» самих участников событий – представителей сибирской администрации и военного командования. Эти источники содержат и важную информацию о вооружении русских казаков и служилых людей [Бродников, 2003]. Со времени появления в свет первых обобщающих трудов по истории Сибири в отечественной историографии, т. е. в XVIII–XIX вв., решающим фактором в деле присоединения Сибири и ее южных районов считалось военно-техническое превосходство русских

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-01-00258а).

воинов, обладавших огнестрельным оружием, над военными отрядами тюркских и монгольских кочевых народов [Словцов, 1995. С. 89]. В советской историографии во второй половине XX в. возобладала точка зрения о мирном, преимущественно договорном, характере процесса вхождения сибирских этносов в состав Российского государства. В последние годы для изучения военного дела казаков и русских служилых людей, тюркских и монгольских этносов стали активно привлекаться вещественные источники – материалы из раскопок археологических памятников коренных народов позднего средневековья и Нового времени и русских острогов, предметы вооружения из старых оружейных коллекций российских и зарубежных музеев [Бобров и др., 2010. С. 23–25; Митько, 2004. С. 178–179, 198]. В поле зрения исследователей оказались проблемы изучения и реконструкции оборонительных сооружений русских острогов в южных районах Сибири, которые в свое время сыграли важную роль в успешной обороне против военных отрядов кочевников [Скобелев, Шаповалов, 1995]. Важное значение для разработки данной темы имеют и достаточно информативные иконографические и фольклорные источники, которые позволяют точнее реконструировать комплексы вооружения и особенности тактики ведения боя военными отрядами тюркских и монгольских номадов, сражавшимися с русскими казаками и служилыми людьми [Бобров, Худяков, 2008. С. 66–74].

Наряду с весьма информативными русскими письменными источниками, ценную информацию о военном деле, характере вооружения и особенностях ведения военных действий против войск тюркских и монгольских государственных образований на юге Сибирского региона содержат сочинения выходцев из стран Западной и Северной Европы. Среди этих людей были дипломаты, администраторы, врачи, горные инженеры и военные специалисты, ученые, специально приглашенные в Россию для работы в Сибири, а также отправленные в восточные районы страны военнопленные и ссыльные иностранцы. Некоторым европейцам, писавшим о Сибири, не удалось самим побывать на территории этого региона, но они получили о нем сведения в пери-

од проживания в Москве или других городах европейской части России.

Наибольшее внимание со стороны европейцев, побывавших в Сибири или ознакомившихся с историей ее присоединения к Российскому государству, привлекли события похода казачьего отряда Ермака и покорения Сибирского ханства. Значительный интерес европейцы проявляли к военным столкновениям и угрозам российским владениям в Сибири со стороны наследников хана Кучума, а также енисейских кыргызов, телеутов и джунгар в течение XVII – первой половины XVIII в. Эти материалы были обобщены и введены в научный оборот в информативном своде источников М. П. Алексеевым [1941].

Так, в сочинении уроженца Курляндии Якоба Рейтенфельса, побывавшего в Москве в 1670–1672 гг. и получившего там некоторые сведения о Северной Азии, говорится, что «некий разбойник», под которым подразумевался атаман Ермак, завоевал Сибирь с отрядом в шесть сотен солдат. Этим же автором было отмечено, что проводниками у русских военных отрядов при продвижении из Западной Сибири на Енисей были татары и тунгусы [Там же. С. 387]. В сочинении немецкого офицера Альбрехта Доббина, служившего в Сибири, упомянуты нагорные крепости, расположенные на скалах и утесах в Южной Сибири, которые он считал «жилищами» енисейских кыргызов. Он отметил воинственность кыргызов, которые «ездят верхами и очень привычны к войне». Согласно его представлениям, они даже «молятся своим лукам и оружию» [Там же. С. 394]. В русских источниках упоминается «белый каменный городок», который находился в междуречье Июсов и служил в качестве оборонительного сооружения для енисейских кыргызов в ходе военных действий [Потапов, 1957. С. 15, 41]. Подобные нагорные укрепления служили временными убежищами для окрестного кыргызского населения на случай военной опасности. Они не были предназначены для целей долговременной обороны [Бобров и др., 2010. С. 68].

В сочинении участника голландского посольства XVII в. в Москву – известного ученого, коммерсанта и администратора Николааса Корнелиуса Витзена, активно интересовавшегося поисками путей через

Северную Азию в Индию и Китай, также описаны основные события похода отряда Ермака в Сибирь. При изложении военных столкновений между казаками и сибирскими татарскими воинами голландский ученый описал некоторые своеобразные приемы ведения боев, которые использовал Ермак. Судя по этим сведениям, Ермак приплыл на судах и атаковал «великое множество» татарского войска во главе с ханом Кучумом. Во время этого столкновения Ермак применил необычную военную хитрость. «Атаман, видя такое множество народа на берегу и еще больше того на верху горы, приказал зарядить ружья одними пыжами, дабы придать врагам больше смелости. С величайшим криком бросились татары на казаков, последние же, держались в сомкнутом строю, стреляли одними только пыжами, вследствие чего никто из врагов не был убит, и это обстоятельство придало им еще больше храбрости». Казаки отступили на свои суда и отплыли к устью Тобола, где вновь подготовили к бою «свое оружие, зарядив его четырехугольными кусками железа и пулями, такими зарядами, какие только сможет выдержать оружие», после чего казачьи суда вновь приплыли к месту боя. Татарские воины, уверенные в своей неуязвимости, атаковали казаков, которые открыли огонь на поражение. По приказу атамана часть казачьего войска вела обстрел противника, а другая часть заряжала ружья, из-за чего обстрел велся непрерывно. Бой продолжался до вечера. Кучум попытался применить против казаков «две большие литые железные пушки, длиной в 6 футов, стрелявшие ядрами в 40 фунтов», но из них за все время боя татарские воины не смогли сделать ни одного выстрела, поэтому «с проклятиями он велел сбросить их вниз в Иртыш». В результате татарское войско потерпело поражение, хан Кучум бежал, а его столица Искер была взята Ермаком [Зиннер, 1968. С. 19–20].

По мнению Э. П. Зиннера, приведенные сведения могли быть получены Н. К. Витзеном от думного дьяка Сибирского приказа Андреаса Винниуса. Они содержат некоторые редкие сведения, отличные от данных известных сибирских летописей [Там же. С. 23].

Краткие сведения о походе отряда Ермака в Сибирь содержатся в сочинении уроженца герцогства Гольштейн в Северной

Германии, крупного коммерсанта и дипломата, находившегося на российской службе – Эбергарда Избранда Идеса, совершившего путешествие во главе российской дипломатической миссии через Сибирь в Китай в 1692 г. Э. И. Идес именуется казачьего атамана «неким разбойником», который «отплыл со своей шайкой на легких судах» из владений Строгановых, добрался до столицы Сибирского ханства, где пленил татарского князя по имени Алтанай Кучумович и отправил его в Москву. Однако в ходе боя на Иртыше Ермак упал в воду. «Тяжелая кольчуга сразу же потянула его ко дну, и никто не смог прийти ему на помощь» [Идес, Бранд, 1967. С. 82–83].

В сочинении англичанина Джона Белла, находившегося на дипломатической службе в России и совершившего в начале XVIII в. путешествие по Сибири в составе русского посольства в Китай, также имеются некоторые сведения о вооружении казаков и сибирских татар в период похода отряда Ермака. После получения известий о приходе русских людей «татарский хан, утрашась его прибытия, собрал многочисленное войско из конных и пеших, вооруженное луками, стрелами, копьями и другими подобными оружиями». Отряд Ермака «имел с ними многие стычки, в которых побивал многое их число огнестрельным оружием, какого татары еще не знали». Он даже сравнил сибирских татар с мексиканскими индейцами в период испанского завоевания [Зиннер, 1968. С. 47]. В дальнейшем этого мнения придерживались и некоторые иные российские и европейские ученые.

Среди европейцев, служивших в Сибири, были любители старины и собиратели «куриозных вещей». Большой резонанс в научном мире Европы и России в начале XVIII в. вызвала находка буддийских рукописей на развалинах джунгарского монастыря Аблайкит и коллекция статуэток, подаренная Петру I [Княжецкая, 1989. С. 22–24; Борисенко, Худяков, 1997]. Эти материалы способствовали изданию знаменитых указов о сборе «куриозных вещей», организации первого русского музея – Кунсткамеры, и изучению Сибири и истории этого края в России в последующие десятилетия.

В течение XVIII в. по территории Сибири было совершено несколько крупных научных экспедиций, в работе которых приняли участие ученые, специально пригла-

шенные Санкт-Петербургской академией наук из разных стран Западной Европы (преимущественно, из германских и скандинавских государств) для исследования природных ресурсов, географии, этнографии и древностей народов, населявших восточные регионы Российского государства. Одним из важных направлений их научной деятельности был сбор сведений по истории присоединения Сибири к России.

Во главе первой экспедиции, отправленной по инициативе Петра I в Сибирь, был специально приглашенный из Германии ученый Даниэль Готтлиб Мессершмидт. В Сибири в состав его экспедиции был включен пленный шведский офицер Филипп Иоганн Табберт, получивший после возвращения в Швецию фамилию Страленберг. Ученые интересовались историей и культурой сибирских народов, в том числе татар и енисейских кыргызов, стремились изучить средневековые памятники, включая находки предметов вооружения. Среди собранных ими изобразительных источников представлены рисунки оружия и воинского снаряжения, которые могут быть отнесены к позднему средневековью и Новому времени. Так, на петроглифическом памятнике Городовая стена на Енисее был зафиксирован рисунок колчана со стрелами, который, судя по форме приемника и способу размещения стрел, должен относиться к изучаемому периоду [Messerschmidt, 1962].

В процессе работы Великой Северной (Второй Камчатской) экспедиции, направленной в Сибирь Санкт-Петербургской академией наук, продолжавшейся в течение десяти лет с 1733 по 1743 г., выдающемуся ученому – историку Герарду Фридриху Миллеру удалось собрать обширный фонд источников по истории Сибирского региона и этнографии народов Сибири. На основе собранных материалов им был подготовлен многотомный труд по истории Сибири, неоднократно издававшийся в России [Миллер, 1999; 2000]. В последние годы, благодаря усилиям современных российских историков, были подготовлены к изданию и вышли в свет не издававшиеся ранее труды этого выдающегося исследователя Сибири, содержащие уникальные материалы по традиционной культуре сибирских народов [Элерт, 1999; Миллер, 2009].

В фундаментальном труде Г. Ф. Миллера по истории Сибири содержатся ценные све-

дения о составе российских войск, о различных видах оружия и боеприпасах, которыми царское правительство и сибирские власти должны были снабжать русских воинов, посланных против войск тюркских и монгольских кочевых народов (сибирских татар, телеутов, енисейских кыргызов, халха-монголов и джунгар). В этом сочинении достаточно подробно освещены военные действия против номадов южных районов Сибири в XVI–XVIII вв. Г. Ф. Миллер также посетил и осмотрел некоторые татарские городища, которые являлись укрепленными поселениями в период похода Ермака – Искер, Чимги-Тура, Кучумово, Тарханское, Карачинское. Ученый изучил и охарактеризовал систему укреплений некоторых городищ, линии рвов и валов, окружавших жилую площадь этих укрепленных поселений. Он отметил различную конструкцию фортификационных сооружений (их округлую, четырехугольную или дуговидную планировку) [Миллер, 1999. С. 189, 190, 216, 217, 222, 227, 255].

Весьма характерно для процесса присоединения сибирских земель к России то, что со времени первого похода отряда Ермака в Сибирь в его составе оказались не только казаки с Волги и Дона, но и представители других народов, в том числе европейцы из бывших военнопленных Ливонской войны, а спустя некоторое время – угры и сибирские татары. Уже в период подготовки казачьего похода через Уральские горы купцы Строгановы включили в состав казачьего отряда под командованием атамана Ермака «триста человек немцев и литвы» [Борисенко, Худяков, 2005. С. 43]. В последующие годы немецкие ландскнехты принимали участие в походе военного отряда под командованием воеводы Воейкова в Приобье и в решающем разгроме лагеря хана Кучума на р. Ирмень в 1598 г. [Там же]. Весьма важное значение для процесса присоединения южных районов Сибири к Российскому государству имел переход на сторону российских властей части сибирских татарских мурз, а затем и правящей элиты других тюркоязычных этнических групп. Уже в период похода отряда Ермака противники правящего рода Шейбанидов вышли из подчинения хана Кучума и принимали участие в военных действиях в составе казачьего отряда в качестве проводников и переводчиков. В последующие десятилетия в со-

став российских воинских отрядов, несших службу в Сибири, стали активно привлекаться угры и татары, а также казахи, кичинцы и представители других тюркских, а в дальнейшем и монгольских этносов и этнических групп [Гемуев, Люцидарская, 1994. С. 64].

Русским воинским отрядам в Сибири приходилось преодолевать большие расстояния в очень сложных ландшафтных условиях и по бездорожью. В источниках, собранных Г. Ф. Миллером, неоднократно упоминается о том, что в летнее время походы совершались по рекам на гребных судах (стругах или кочах), а зимой по суше на лыжах и нартах. Во время похода в Барабинскую лесостепь на татарский городок Тунус в марте 1595 г. военный отряд, состоявший из 483 «детей боярских, и литвы, и казаков, и стрельцов, и служивых юртовских и волостных татар, Тобольских и Тюменских, и Тарских», возглавлявшийся Б. Доможаровым и С. Рупосовым, отправился на лыжах [Миллер, 1999. С. 290, 362].

При организации военных отрядов для проведения военных походов и постройки новых острогов сибирским воеводам нередко не хватало воинов, поэтому их приходилось собирать из нескольких уже существующих в Сибири российских опорных пунктов. Основное внимание как царское правительство, так и сибирские власти уделяли обеспеченности формируемых воинских отрядов артиллерией, огнестрельным оружием и боеприпасами. В грамоте 1600 г. царя Бориса Годунова тюменскому голове Ф. Янову о построении острога в Епанчине юрте подробно расписано, из каких острогов набрать воинов, взять оружие и боеприпасы: «Ис Тюмени взяти ему с собою казаков конных 10 человек да пушкаря; да наряду взяти 2 пищали затинных, а к ним 200 ядер, да 10 пуд зелья, да 10 пуд свинцу. Из Тоболеска быти 20 человек стрельцом, с Пельми быти черкасом и стрельцом 10 человеком, с Верхотурья быти 10 человеком стрельцом. Да с Верхотурья ж велено послать: наряду 2 пищали затинных, а к ним 400 ядер, да 10 пуд зелья, да десять пуд свинцу...» [Миллер, 1999. С. 377]. Таким образом, отряд должен был состоять из 50 казаков, стрельцов, черкасов (выходцев с Малой Руси) и одного пушкаря. Надежную оборону нового острога должны были обеспечить 4 пушки с боезапасом из 600 ядер,

20 пудов пороха и 20 пудов «свинцу», картечи и пуль. Помимо воинов в состав отряда должны были быть включены еще 20 плотников, в обязанность которых входило сооружение острога. Подобным образом было осуществлено строительство Кузнецкого острога, для сооружения которого было привлечено значительно меньше людей – всего 10 стрельцов, которым предстояло «на тое службу выбираться самим». Они были снабжены «из государственной казны по 2 фунта зелья [да] по 2 фунта свинцу человеку» [Там же. С. 442]. Для сохранности оружия и боеприпасов, хранившихся в государственной казне в острогах, царские власти проводили ревизии. В грамоте 1625 г. царя Михаила Федоровича верхотурскому воеводе князю Д. Пожарскому отмечено, что на башнях острога «наряду никакого нет, а только в нашей казне на Верхотурье 9 пищалей затинных, да 3 пищали малых, да самопалишко, да ствол пищальный малой, да 2 пуда пороху, да 16 пуд и 18-ть гривенок свинцу». В грамоте указано, что в дополнение к уже имевшимся запасам оружия в Верхотурский острог были отправлены полковая пищаль, волконейки и боеприпасы [Миллер, 2000. С. 377].

В ходе продвижения русских людей в Южную Сибирь постоянно сказывалась нехватка людей, оружия и боеприпасов, а также денежных средств и продовольствия. Иногда это приводило к сокращению первоначальных планов сибирских воевод. Так, по первоначальному плану строительства Красноярского острога «по указу из Москвы велено было «прибрать» в сибирских городах в государственную службу в казаки 500 человек охочих людей, снабдить их оружием, порохом и свинцом и выдать денежное и хлебное жалование на два года вперед» [Там же. С. 59]. Однако, несмотря на царский указ и распоряжения тобольского воеводы князя А. А. Хованского, собрать такое количество людей не удалось, из-за чего собираемый отряд был сокращен сначала до 400, а потом до 300 человек. В наказе командиру отряда А. Дубенскому основное внимание уделено обеспечению отряда денежным жалованием и продовольствием, а «наряд зелейный, свинец и всякие пушечные и хлебные запасы» не регламентированы, только указано, что они должны быть привезены из Маковского острога [Там же. С. 385].

Среди средств индивидуальной металлической защиты, применявшихся русскими

воинами во время первого похода отряда казаков в Сибирь, особое внимание у современников и потомков привлекли доспехи, подаренные атаману Ермаку царем Иваном Грозным. Поскольку атаман носил на себе сразу два царских доспеха (панцирь и кольчугу), такую усиленную защиту не могла пробить ни одна татарская стрела, что способствовало появлению среди сибирских народов легендарных представлений о чудодейственной волшебной силе, заключенной в этих доспехах [Худяков, 2001; 2002]. Согласно сведениям Ремезовской летописи, приведенным Г. Ф. Миллером, эти два доспеха достались татарскому мурзе Кайдаулу и остяцкому правителю Кодского княжества, князю Алачу. Через семь десятилетий с просьбой переслать ему в дар доспехи Ермака обратился к царю Алексею Михайловичу джунгарский тайджи Аблай. По распоряжению царя тобольский воевода князь И. В. Хилков попытался найти эти панцири. Однако он смог получить от наследников Кайдаула только одно из защитных облачений, поскольку «наследники Алача и слышать не хотели о возвращении панциря». Согласно приведенному описанию: «Панцирь состоял из железных колец и поэтому назывался кольчугой. Надо изумляться искусству, с каким каждые пять колец этого панциря были сплетены между собою. Длина его равнялась двум аршинам, ширина в плечах – одному с четвертью аршина, грудь и спина были украшены царскими мишенями, с золотым двуглавым орлом, низ подола и рукава имели медную опушку шириной в 3 вершка». Эта знаменитая кольчуга была послана в дар от имени царя в том же году джунгарскому тайджи [Миллер, 1999. С. 259]. Вероятно, второй доспех мог представлять из себя панцирь из железных пластин в виде пластинчатого жилета [Худяков, 2001. С. 44–45]. Конечно, данные доспехи, подаренные царем, должны были отличаться не только совершенством отделки, но и высокими защитными качествами.

Наряду с необходимостью обеспечения российских воинов огнестрельным оружием, боеприпасами и средствами защиты, сибирские администраторы стремились предотвратить приобретение оружия представителями сибирских народов. Оно было включено в число «заповедных» товаров, которые запрещалось продавать местным жителям. В царской грамоте, адресованной

тюменскому воеводе князю Г. Долгорукому, говорится, чтобы бухарские и ногайские торговцы «заповедными» товарами, такими, как «доспехи, и пансыри, и саблями, и ножи, и топоры – с юртовскими и с ясашными татари не торговали». Торговцев разрешалось допускать в Тюмень, когда в этом городе и остроге должны были находиться «служивые люди: литва, и казаки, и стрельцы стояли с ружьем» [Миллер, 2000. С. 176].

Однако контролировать и пресекать возможность приобретения сибирскими татарами оружия и доспехов у среднеазиатских купцов российским властям не всегда удавалось. Так, во время сражения с восставшими барабинскими татарами на р. Шагаре в 1629 г., в ходе которого повстанцы во главе с Аблайкеримом – внуком Кучума, потерпели жестокое поражение, на протяжении 20 верст от места боя можно было видеть «большое число убитых людей в панцирях и мертвых лошадей, и почти все имущество, которое неприятели везли с собою, было разбросано в беспорядке» [Там же. С. 117].

Значительное внимание Г. Ф. Миллером было уделено взаимоотношениям русских властей с енисейскими кыргызами и кыштымами, а также их сюзеренами – правителями государств Алтын-ханов и Джунгарии. Он отметил, что причиной для военных столкновений была борьба за господство над племенами кыштымов. Поскольку кыргызские князья считали кыштымов своими холопами, они чинили русским властям значительные препятствия в приведении их в подданство и сборе ясака, «подстрекали другие народы и уговаривали их объединиться против с ними против русских» [Там же. С. 55]. Ученый полагал, что поддержка со стороны халха-монгольских и джунгарских правителей укрепляла воинственность кыргызских князей и поощряла их противостоять российским властям. Он упомянул об использовании кыргызами разных видов оружия и тактических приемов ведения боев. Исследователь отметил, что кыргызские и кыштымские воины предпочитали вести обстрел противника из луков, в то время как русские воины «усиленно отвечали», надо полагать, стреляя из ружей [Миллер, 2000. С. 66, 68].

В течение XVII в. большую опасность для российских владений на юге Западной

Сибири представляли военные набеги со стороны не только сибирских татар, поддерживавших «сибирских царевичей», потомков и наследников хана Кучума, стремившихся к восстановлению Сибирского ханства, но и нападения башкир, телеутов, казахов, каракалпаков и джунгар. В борьбе за восстановление государственности сибирских татар Кучумовичи стремились опереться на воинские силы телеутов, башкир и Джунгарского ханства. Распространение ойратских владений на Саяно-Алтай, Верхнее Приобье и Прииртышье представляло собой серьезную угрозу для российских острогов и городов. Вероятно, для организации рейтарского полка и успешного противостояния кочевникам царскими властями была приглашена в Сибирь в 1666 г. группа немецких офицеров во главе с полковником И. Эгратом [Борисенко, Худяков, 2005. С. 44]. В сочинении одного из этих офицеров упомянут не названный по имени татарский «царевич», который с помощью башкир совершает набеги на российские владения [Алексеев, 1941. С. 347–348]. Этим же автором было отмечено также умение ойратских всадников метко стрелять из лука на полном скаку верхом на лошадях. У самых знатных воинов имеются также сабли. Такими же меткими им были названы и башкирские конные лучники [Там же. С. 358, 362].

Об угрозе татарских набегов на царские владения в Сибири в конце XVII в. упомянул в своих записках И. Идес. По его словам, «летом с запада часто совершают разбойничьи набеги» воины калмыцкой и казахской орды, а также «много налетов производят уфимские и башкирские татары» [Идес, Бранд, 1967. С. 82]. Один из спутников И. Идеса – участник российского посольства в Китай, уроженец Гольштейна, Адам Бранд в своем сочинении отметил, что «киргисские же татары держатся в степях вокруг Красноярска и причиняют живущим поблизости в деревнях русским много вреда...» [Там же. С. 88].

Ситуация на южных границах российских владений в Сибири существенным образом изменилась после разгрома Джунгарского ханства войсками маньчжурской империи Цин во второй половине 50-х гг. XVIII в. Опасность набегов со стороны кочевников значительно ослабла.

В сочинении участника Второй Камчатской экспедиции Иоганна Георга Гмелина

содержится описание доспехов казаков и русских служилых людей, которое отличается большой точностью при характеристике отдельных деталей. Ему удалось осмотреть и описать такие доспехи, хранившиеся в арсенале Красноярского острога. По словам исследователя: «Они имели двойные кольчуги, которые закрывали все туловище. Одна состояла сплошь из маленьких железных колец, другая – из тонких железных пластинок. Последний вид кольчуги, по мнению служивых, легче носить, чем первый. Такой панцирь закрывает, как уже было сказано, все туловище, грудь, живот, всю спину и руки. К тому же носили еще шапку, сверху покрытую железом. Я видел оба вида, но они уже не употребляются» [Зиннер, 1968. С. 159]. Судя по сведениям, полученным И. Г. Гmeliным, традиция носить по два металлических защитных доспеха – панцирь и кольчугу, сохранялась среди русских воинов, служивших в Сибири, со времен похода отряда Ермака и вплоть до начала XVIII в., когда подобные защитные средства вышли из употребления, но продолжали храниться в арсеналах сибирских острогов в течение многих десятилетий. И. Г. Гмелину и Г. Ф. Миллеру принадлежит первый опыт классификации погребальных комплексов Минусинской котловины, среди которых ими были выделены «киргизские могилы», содержавшие захоронения по обряду ингумации с остатками сапог и находками наконечников стрел [Вадеева, 1973. С. 99]. Эти могилы, вероятнее всего, судя по находкам органических вещей, должны относиться к памятникам кыргызских кыштымов позднего средневековья [Борисенко, 2007. С. 61].

Ряд соображений о расселении в южных районах Сибири телеутов и енисейских кыргызов, их взаимоотношениях с российскими властями были высказаны еще одним участником Второй Камчатской экспедиции – Иоганном Эберхардом Фишером. Он упомянул о том, что часть телеутов мигрировала к границам российских владений. Они «вышли из жилищ своих, но наибольшая часть их осталась у колмаков» во владениях джунгарских ханов. Он считал енисейских кыргызов «весьма беспокойным народом, который из всех татар наиболее склонен к граблению, смертоубийствам и разорению». По представлениям этого ученого, в ходе военных столкновений с дру-

гими народами историческая необходимость или «нужда научила их строить укрепления», о которых упоминали и его предшественники. Среди применявшегося енисейскими кыргызскими воинами видов оружия он упомянул только стрелы [Фишер, 1774. С. 51, 53, 55].

В сочинении Г. В. Де Геннина, посвященном описанию горных заводов Урала и Сибири, упоминается о том, что ойратские кочевники весьма враждебно встретили попытки продвижения российских войск в верховья Иртыша в начале XVIII в. Для того чтобы остановить поход русского военного отряда, они применили старинный прием военного искусства номадов – подожгли сухую траву «в степи с той стороны, с которою на российских людей ветер дул» [Де Геннин, 1937. С. 626–627]. Хотя основной целью этих походов был поиск пути в Яркенд для добычи «песошного золота», сибирские власти не гнушались отправлять военные отряды в Прииртышские степи для ограбления древних и средневековых могил. Об одном из таких походов, во главе которого был назначен высокопоставленный военный, или администратор, упоминается в статье И. Р. Форстера [Observations..., 1767. P. 228–230].

Во второй половине XVIII в. археологические материалы, относящиеся к периоду присоединения южных районов Сибири к Российскому государству, попадали в поле зрения некоторых ученых-естествоиспытателей – участников «физических» научных экспедиций. К этому времени вышли в свет труды Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера по истории Сибири, в которых подробно излагались исторические события, протекавшие с участием российских воинских сил и тюркских и монгольских номадов. Среди русских старожилов Сибирского региона получили распространения представления, приписывающие древние памятники и находки мифическому древнему народу «чуди». Эти представления оказали влияние и на интерпретацию сибирских древностей учеными.

Учеными, проводившими экспедиционные исследования в Западной и Южной Сибири, в том числе в Алтайском горном округе и Минусинской котловине, во второй половине XVIII в. определенное внимание уделялось изучению памятников культур тюркских и монгольских народов позднего

средневековья и Нового времени. Так, развалинам джунгарских ламаистских монастырей, предметам буддийской культовой пластики, древним и средневековым горным выработкам посвятил свои экспедиционные поиски Петер Симон Паллас [Паллас, 1786. С. 258–260]. Им был предпринят самостоятельный опыт классифицирования древних могил Южной Сибири, в составе которых он, так же как и его предшественники, выделил «киргизские могилы». Однако, судя по описанию, к этому типу памятников он отнес погребения по обряду ингумации, которые, вероятнее всего, могут принадлежать кыргызским кыштымам [Борисенко, Худяков, 2005. С. 128–129]. Некоторые памятники ойратского культового зодчества и фортификационные сооружения сибирских татар были осмотрены и упомянуты в сочинении другого исследователя – Иоганна Петера Фалька, путешествовавшего по южным районам Западной Сибири во второй половине XVIII в. В частности, он упомянул о расположенном в Барабинской лесостепи средневековом татарском городище Тон-Тура. Им также сообщалось об укреплениях, названных «окопами», принадлежавших одному из татарских мурз – Туруну, погибшему в столкновении с ойратами [Фальк, 1824. С. 431–432]. Среди собранных ученым материалов имеется рисунок «Калбасунской башни», находившейся в Прииртышье, которая, вероятнее всего, представляет собой буддийскую ступу, сооруженную в период господства в южных районах Западной Сибири джунгар [Борисенко, Худяков, 2005. С. 132]. Исследователь также приписывал все известные ему сибирские древности «чуди». Однако он отождествлял этот древний народ с монголами, которые, по его представлениям, переселились с Алтая, или «Кольванской страны», в Джунгарию [Фальк, 1824. С. 446]. Обращение к изучению памятников оборонного и культового зодчества сибирских татар и ойратов позволило ученым, работавшим в южных районах Западной Сибири, зафиксировать места расположения некоторых комплексов, не сохранившихся в последующие столетия, что дает возможность реконструировать ход событий военной истории в этом регионе в позднем средневековье и Новое время.

Собранные в течение XVIII в. европейцами сведения о военном деле казаков, русских служилых людей и тюркских и мон-

гольских номадов в Сибирском регионе являются весьма информативными и ценными источниками по военной истории. В сочетании с другими видами источников они могут стать основой для реконструкции комплекса вооружения и оценки уровня развития военного дела российских вооруженных сил и их исторических противников в период присоединения южных районов Сибири к Российскому государству.

Список литературы

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941. 612 с.

Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2010. 288 с.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. 776 с.

Борисенко А. Ю. Немецкие исследователи XVIII века о военном деле и военных столкновениях енисейских кыргызов с русскими в позднем Средневековье // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. С. 58–62.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Коллекция находок XVIII в. с территории Рудного Алтая // Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. № 2. С. 129–134.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2005. 270 с.

Бродников А. А. Ручное огнестрельное оружие служилых людей Кузнецкого острога в первой половине XVII в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 2. С. 90–93.

Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Изв. лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973. Вып. 6. С. 91–159.

Гемуев И. Н., Люцидарская А. А. Служилые угры (один из аспектов русско-угорских отношений в XVI–XVII вв.) // Гуманитар-

ные науки в Сибири. Серия: археология и этнография. 1994. № 3. С. 63–67.

Де Геннин Г. В. Описание уральских и сибирских заводов 1735. М., 1937. 661 с.

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. 247 с.

Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. 404 с.

Княжецкая Е. А. Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1721–1720) // Страны и народы Востока. М., 1989. Вып. 26. С. 10–35.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1. 630 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. 2. 796 с.

Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. М., 2009. 456 с.

Митько О. А. Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004. Вып. 1. С. 165–206.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1786. Ч. 2, кн. 1. 751 с.

Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. 307 с.

Скобелев С. Г., Шаповалов А. В. Оборонительные сооружения Саянского острога // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 138–148.

Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Стихотворения. Проповеди. Новосибирск, 1995. 676 с.

Фальк И. П. Записки путешествия // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. 6. 546 с.

Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. 631 с.

Худяков Ю. С. «Волшебные» доспехи Ермака // Защита и безопасность. 2001. № 1. С. 44–45.

Худяков Ю. С. Кольчуга Ермака. Легенды и источники // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 240–243.

Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999. 240 с.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Berlin, 1962. Bd. 1. 379 S.

Observations on Some Tatarian Antiquities, Described in the Presiding Article. By John Reinhold Forster // *Archaeology or Miscellane-*

ous Tracts Relating to Antiquity / Published by the Society of Antiquaries of London. MDCCLXXIII. L., 1767. Vol. 2. P. 227–235.

Материал поступил в редколлегию 05.05.2010

A. Yu. Borisenko, Yu. S. Khudyakov

**THE EUROPEAN RESEARCHERS OF XVIII CENTURY ABOUT MILITARY SCIENCE, THE WEAPON
AND MILITARY EQUIPMENT OF RUSSIAN COSSACKS
AND WARRIORS PEOPLE IN SIBERIA**

In article it is spoken about studying by the European scientists and travelers, visited the Siberia in XVIII century, the weapon and military equipment of cossacks and Russian warriors people who, are taken part in connection the of Northern Asia to the Russian state.

Keywords: European researchers, Siberia, cossacks, Russian warriors people, the weapon, military equipment.